
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ И ИНЫМИ МЕРАМИ

CURRENT ISSUES OF CRIME COUNTERACTION CRIMINAL PROCESS AND OTHER MEASURES

УДК 343.985.1

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(1).98-105

ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

О.В. Айвазова¹, Г.А. Варданян², И.Г. Смирнова³

¹ Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

1 октября 2020 г.

Дата принятия в печать

19 февраля 2021 г.

Дата онлайн-размещения

9 марта 2021 г.

Ключевые слова

Преступления, совершенные в отношении юридических лиц; юридические лица; криминалистическая методика; доказывание; расследование; тактика следственных действий; потерпевший; вред; имущество; деловая репутация; права и законные интересы; специальные знания; судебно-экономическая экспертиза

Аннотация. Статья посвящена отдельным проблемам доказывания по делам о преступлениях, совершенных в отношении юридических лиц. Криминалистическая характеристика потерпевшего — юридического лица обуславливает специфику применения криминалистических и уголовно-процессуальных мер, направленных на выявление, расследование, раскрытие и предотвращение преступлений данной категории. Одним из элементов назначения уголовного судопроизводства, согласно действующему УПК РФ, является защита прав и законных интересов организаций, потерпевших от преступлений. Детализируя указанное руководящее положение, ч. 1 ст. 42 УПК РФ впервые наделяет юридических лиц как самостоятельных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений правом признаваться потерпевшими по уголовным делам в случае причинения преступлением вреда их имуществу и деловой репутации. Однако несовершенства в регламентации особенностей участия юридических лиц в уголовном судопроизводстве, недостаточный учет специфики реализации ими своих прав и законных интересов в сравнении с аналогичными по процессуальному статусу физическими лицами порождают множество проблем. В своей совокупности наличие этих проблем отрицательно сказывается на эффективности расследования преступлений данной категории и, как результат, на выполнении уголовным судопроизводством своего назначения. Буквальное прочтение положения ч. 1 ст. 42 УПК РФ указывает на обязательное наличие таких последствий преступлений, как причинение юридическим лицам одновременно двух видов вреда — «имуществу и деловой репутации», что вряд ли является удачной формулировкой с позиции юридической техники. Закономерно, что следственно-судебная практика свидетельствует о том, что в части формирования доказательств характера и размера вреда, причиненного юридическим лицам в результате преступления, правоприменители, как правило, фактически ограничиваются доказательствами причинения имущественного вреда, да и то не в полном объеме (зачастую без учета убытков, обусловленных неполучением ожидаемых доходов). Что касается вреда деловой репутации юридического лица, то установление данного аспекта в рамках уголовного судопроизводства до сих пор носит проблемный характер, фактически чаще всего так и оставаясь пробелом в доказывании. Авторы указывают на недопустимость неполноты доказательственной информации касательно обстоятельств причинения вреда деловой репутации юридических лиц и излагают рекомендации по разрешению обозначенной проблемы, в том числе путем обращения к специальным знаниям и совершенствования тактики отдельных следственных действий, направленных на получение криминалистически значимой информации по делу.

ON CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTIC MEASURES OF COUNTERACTING CRIMES AGAINST LEGAL ENTITIES

Olga V. Aivazova¹, Galina A. Vardanyan², Irina G. Smirnova³

¹ Rostov Law Institute of Russian Ministry of Internal Affairs, Rostov-on-Don, the Russian Federation

² South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, the Russian Federation

³ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2020 October 1

Accepted

2021 February 19

Available online

2021 March 9

Keywords

Crimes against legal entities; legal entities; forensic methods; proving; investigation; tactics of investigative actions; victim; damage; property; business reputation; rights and legitimate interests; special knowledge; forensic economic expertise

Abstract. The article discusses some aspects of proving in cases of crimes against legal entities. The criminalistic description of the victim represented by a legal entity determines specific details of applying criminalistic and criminal procedure measures aimed at the identification, investigation, detection and prevention of such crimes. Under the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation, one of the elements of ordering criminal proceedings is the protection of rights and legal interests of organizations that became victims of crimes. Part 1 of Art. 42 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation details this guideline for the first time by giving legal entities, viewed as independent subjects of criminal procedure legal relations, the right to be recognized as victims of criminal actions if the crime inflicted damage on their property or business reputation. Nevertheless, the imperfections in the regulation of legal entities' participation in criminal proceeding, and the insufficient attention to the specifics of realizing their rights and legal interests in comparison with the physical persons of a similar procedural status give rise to numerous problems. The complex of such problems has a negative impact on the effectiveness of investigating this category of crimes and, as a consequence, on the ability of criminal proceedings to produce the intended result. The literal interpretation of Part 1, Art. 42 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation points out that the consequences of such crimes must include the infliction of two types of damage simultaneously — «to property and to business reputation», which can hardly be considered a good definition from the standpoint of juridical technique. Quite naturally, the investigation and court practice shows that law enforcers, while collecting proof on the character and size of damage inflicted on legal entities as a result of a crime, usually limit themselves to proving material damage, and even this damage is not proven in full (the common omission being losses of expected income). As for the damage inflicted on business reputation of a legal entity, its establishment during criminal proceedings is still problematic and, in practice, there is usually a gap in proving it. The authors point out that incomplete character of evidentiary information regarding the infliction of damage on the business reputation of legal entities is inadmissible and present their recommendations for resolving this problem, including the use of specialist knowledge and the improvements in the tactics of specific investigatory actions aimed at obtaining criminalistically relevant information on the case.

Российское уголовное судопроизводство в качестве одного из неотъемлемых элементов своего назначения (ст. 6 УПК РФ) признало защиту прав и законных интересов не только лиц, но и организаций, потерпевших от преступлений. Тем самым законодатель сформировал правовые основы гарантий защищенности юридических лиц, вступающих в уголовно-процессуальные правоотношения, которые получили определенное развитие в ряде норм процессуального закона. Однако процессуальная форма участия юридических лиц в уголовном судопроизводстве по-прежнему остается несовершенной [1]. Сохраняются пробелы в регулировании ряда актуальных вопросов, которые во многом инициированы недостаточным учетом

специфики юридического лица как своеобразной правовой фикции [2], в сравнении с аналогичными субъектами уголовного судопроизводства — физическими лицами [3].

В соответствии с положениями ст. 42 УПК РФ впервые юридические лица как самостоятельные участники гражданского общества приобрели возможность признаваться потерпевшими по уголовным делам. Напомним, что в прежнем процессуальном законе (УПК РСФСР 1960 г.) предприятия, учреждения или организации могли проходить по уголовным делам в качестве некоторых субъектов правоотношений — гражданских истцов, гражданских ответчиков, а также в качестве отдельных вспомогательных участников, в частности залогодателя, организа-

ции, ответственной за сохранность арестованного имущества, почтово-телеграфного учреждения, участвующего в исполнении решения следователя о наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, и т.п. Возможность участия юридических лиц в уголовном судопроизводстве в качестве указанных субъектов получила преювенциальность и согласно действующему законодательству. Но при этом по смыслу ст. 53 и 136 УПК РСФСР 1960 г. потерпевшим могло признаваться только физическое лицо (гражданин) в случае причинения ему морального, физического или имущественного вреда в результате преступления.

Разумеется, как в советский период нашего государства, так и на современном этапе его развития совершение противоправных посягательств в отношении прав и законных интересов юридических лиц никогда не являлось редкостью. Однако советскому периоду было присуще доминирование государственной собственности на такие средства производства, как предприятия, учреждения, организации (а также принадлежащие им активы), следовательно, причинение преступлением имущественного вреда юридическому лицу по общему правилу связывалось с посягательством на государственные интересы. Поэтому руководитель организации, представляя на предварительном следствии и в суде организацию, пострадавшую от преступления (либо иной уполномоченный сотрудник организации), по сути, участвовал в реализации публичных интересов по укреплению социалистической законности и правопорядка.

Конституцией Российской Федерации 1993 г., олицетворяющей формирование в России правового государства [4], гражданского общества и свободных рыночных отношений, основанных на объективных законах экономики, признано многообразие форм собственности, а также гарантирована защита имущества от противоправных посягательств. Основным законом декларировал для соотечественников возможность осуществлять предпринимательскую и иную не запрещенную законом деятельность, в том числе путем создания юридических лиц в предусмотренном гражданским законодательством порядке с учетом признаваемых в России организационно-правовых форм и форм собственности. Юридические лица стали активными субъектами гражданско-правового оборота, что вполне соответствовало аналогичному положению вещей в европейских странах [5]. Дан-

ное конституционное положение потребовало соответствующей модернизации отраслевого законодательства, адаптации его к изменившейся модели социума, в частности с учетом значительного роста количества юридических лиц. Так, по данным Федеральной налоговой службы РФ, на 1 января 2020 г. было зарегистрировано 3 744 617 юридических лиц, из них в форме коммерческих организаций — 3 121 514¹.

Осуществляя в соответствии с учредительными документами самые различные виды деятельности по производству продукции, выполнению работ, оказанию услуг, а также вступая в этой связи в общественные отношения с иными субъектами общества, юридические лица регулярно стали вовлекаться и в орбиту уголовно-процессуальных отношений [6; 7], ибо известно, что экономическая преступность как неотъемлемая часть любого общества всегда наиболее быстро и гибко приспосабливается под новые жизненные реалии [8–11].

Это закономерно подтверждают результаты проведенных научных изысканий. Согласно сведениям исследователей, в период с 2014 по 2018 г. юридические лица приобретали статус потерпевших от преступлений в 1 257 467 случаях [12]. При этом подавляющее большинство деяний (1 130 489 фактов, что составило 89,9 %) относилось к категории преступлений против собственности юридических лиц. Менее распространены, но также имеют существенный удельный вес в структуре преступных посягательств, совершенных в отношении юридических лиц, преступления против общественной безопасности (15 019 фактов за указанный пятилетний период); преступления в сфере экономической деятельности (15 тыс. фактов); преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (7 071 факт участия в качестве потерпевших юридических лиц); преступления против семьи и несовершеннолетних (в 6 454 случаях потерпевшими признавались юридические лица); преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (зарегистрировано 5 168 корпоративных жертв). К фактически сходным выводам на основе анализа эмпирического материала, но в более ран-

¹ Статистика по государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в целом по Российской Федерации // Федеральная налоговая служба Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.nalog.ru>.

ний период, пришли и другие исследователи [13; 14], что говорит о сформировавшейся тенденции к вовлечению юридических лиц в уголовное судопроизводство в постсоветский период.

Согласно ст. 42 УПК РФ, основанием для признания юридического лица потерпевшим является причинение вреда его имуществу и деловой репутации. По общему правилу процессуальное решение о признании юридического лица потерпевшим принимается безотлагательно, по мере возбуждения уголовного дела, за исключением случаев, когда достаточная информация о потерпевшем отсутствует (в этих случаях признание потерпевшим осуществляется по мере поступления соответствующих данных).

Итак, законодатель обозначает два вида вреда (имущественный и репутационный), причиняемого юридическому лицу, буквально в единой связке (т.е. с использованием союза «и»). Иными словами, строгое толкование закона требует выявления обстоятельств, указывающих на обязательное причинение одновременно (либо в единой связи) обоих названных видов вреда, что, по нашему мнению, является собой очередной пример неудачной юридической техники, поскольку различные виды вреда как последствия преступлений далеко не всегда взаимно детерминируют друг друга. Более того, следственно-судебная практика говорит скорее об обратной тенденции, что указывает на то, что в ч. 1 ст. 42 УПК РФ в данном контексте правильнее было бы использовать союз «или» либо оба союза через запятую (а именно «...юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу и (или) деловой репутации»).

Установление факта причинения юридическому лицу имущественного вреда в целом регулярно имеет место в процессе правоприменительной деятельности по расследованию преступлений. Однако в данном случае правоприменители чаще всего ограничиваются доказыванием так называемого прямого вреда (исчисляемого суммой похищенного, поврежденного или уничтоженного имущества, стоимостью ремонтных работ по восстановлению эксплуатационных характеристик поврежденного оборудования, мест хранения готовой продукции или ее ингредиентов и т.п.). При этом существуют трудности в установлении характера и размера такой разновидности имущественного вреда, как убытки, обусловленные недополучением планируемых и документально обоснованных доходов (прибыли). Нередко этот аспект

сознательно не рассматривается в рамках уголовного судопроизводства, а уполномоченным представителям пострадавших юридических лиц следователи и судьи рекомендуют разрешить эти вопросы отдельно в рамках гражданского судопроизводства.

Безусловно, это представляет собой экстенсивный подход, поскольку требует проведения дополнительных процессуальных процедур (пусть и в рамках последующего гражданского либо арбитражного процесса), очередного расходования сил и средств. Более того, как известно, с течением времени постепенно происходит утрата ряда доказательственной информации (как вследствие объективных причин: реорганизации и ликвидации организаций — деловых партнеров, забывания отдельных обстоятельств свидетелями, естественной миграции людей, так и вследствие действий заинтересованных лиц по исчезновению следовой информации: уничтожению, повреждению, фальсификации документов, сбыту спорной недвижимости и иных материальных ценностей и пр.).

Что касается установления особенностей вреда, причиненного деловой репутации юридического лица (и адекватного ему размера денежных средств, подлежащих возмещению), то следователи в подавляющем большинстве случаев вообще оказываются неготовыми работать в данном направлении в плане добывания четкой и непротиворечивой доказательственной информации.

Показательно, что и в специальной литературе можно встретить рекомендации о реализации права на защиту деловой репутации юридического лица «только в гражданском или административном судопроизводстве» [15, с. 148]. Данный вывод исследователь подкрепляет тем, что уголовное право не содержит ответственности за посягательства в отношении деловой репутации юридических лиц. На наш взгляд, изложенная позиция скорее объективно отражает неблагоприятные реалии правоприменительной практики, имеющие место по уголовным делам о преступлениях (чаще всего экономической направленности), совершенных в отношении юридических лиц. Довод об отсутствии нормы, прямо устанавливающей уголовную ответственность за посягательства на деловую репутацию юридических лиц, на наш взгляд, не исключает возможности фактического причинения вреда деловой репутации организации в результате целого ряда преступных деяний.

На наш взгляд, законодатель сознательно не оговаривает круг преступных деяний, одним из последствий которых может явиться причинение вреда деловой репутации юридических лиц, поскольку этот аспект не всегда заранее предсказуем. Примерами могут выступать мошеннические действия с использованием товарного знака и иных средств индивидуализации пострадавшего юридического лица (традиционно совершаемое преступление на международном рынке [16]), производство и сбыт фальсифицированной продукции (в большинстве случаев отличающейся более низким качеством по отношению к оригинальной продукции) и т.д. Подобные действия, связанные с широким и серийным распространением среди населения фальсифицированной продукции якобы от имени фирменного производителя, подрывают доверие по отношению к истинному правообладателю, формируют впечатление о низком качестве такой продукции, способствуют снижению спроса, расторжению сделок, что негативно сказывается на деловой репутации юридических лиц.

Несомненно, обозначенные обстоятельства не только указывают на допущение стабильных пробелов в доказательственной базе по уголовным делам о преступлениях, совершенных в отношении юридических лиц, но и приводят к формулированию неутешительного вывода о том, что права и законные интересы юридических лиц в уголовном судопроизводстве защищены не в полной мере. В особенности это касается коммерческих организаций, успешность производственно-хозяйственной деятельности которых напрямую связана с наличием у них стабильной и достойной деловой репутации.

Трудности в доказывании причинения вреда деловой репутации во многом связаны с весьма лаконичным регулированием этого аспекта в уголовно-процессуальном законодательстве, вынуждающим правоприменителей обращаться к положениям гражданского законодательства и соответствующей научной литературе. Действительно, цивилистика в целом более детально регламентирует вопросы защиты вреда, причиненного деловой репутации гражданина и организации. Однако поскольку цивилистика призвана разрешать качественно иные задачи, нежели уголовно-процессуальная деятельность, закономерно, что анализируемые понятия не в полной мере совпадают в гражданском и уголовном судопроизводстве. Так, защита деловой репутации в гражданском судопроизводстве за-

частую рассматривается в связке с защитой чести и достоинства личности и ассоциируется прежде всего с распространением информации, не соответствующей действительности, недостоверной, порочащей доброе имя. Следовательно, данные положения весьма условно (с большой натяжкой) могут считаться бланкетными нормами, могут применяться не в полном объеме и лишь отчасти могут восполнить имеющиеся пробелы, в определенной степени вынуждая следователей применять законодательство по аналогии.

Регламентировав как данность наименование видов вреда, причиняемого в результате преступления правам и законным интересам юридических лиц, законодатель не определил понятие и содержание этих категорий. Если касательно имущественного вреда как традиционного и хорошо известного последствия целого ряда преступлений существует достаточная определенность (хотя бы исходя из общих положений права), то что касается вреда деловой репутации как относительно нового понятия, далеко не все так однозначно.

Деловая репутация юридического лица представляет собой нематериальное благо, содержанием которого является совокупная оценка показателей производственной, финансово-хозяйственной и иной профессиональной деятельности (в соответствии с направлениями, заявленными в учредительной документации) данной организации. В экономических правоотношениях деловая репутация учитывается, например, при купле-продаже организации наряду с такими активами нематериального характера, как авторские и смежные права, товарный знак и иные средства индивидуализации, ноу-хау, а также рассчитывается как разница между ценой организации и суммарной стоимостью всех ее активов. На формирование и изменение деловой репутации юридического лица во многом влияет общественное мнение, источником которого выступают сотрудники, деловые партнеры, клиенты (потребители), различные компетентные лица (эксперты) в соответствующем сегменте профессиональной деятельности.

Представляется, что наличие экономических методик расчета показателей деловой репутации юридических лиц, а также опыт правоприменительной деятельности по разрешению подобных вопросов в гражданском и арбитражном судопроизводстве сами по себе являются теоретико-методологическими и практически предпосылками для интеграции данного

знания в процесс доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных в отношении юридических лиц. Разумеется, это потребует некоторой адаптации указанного знания, согласно специфике уголовного судопроизводства, а также разработки методико-криминалистических рекомендаций [17; 18] по повышению эффективности установления обстоятельств, характера и размера репутационного вреда [19], совершенствованию процесса назначения и производства судебно-экономических экспертиз [20–22] и использования иных форм специальных знаний. Так, следователю необходимо прежде всего установить, что конкретное юридическое лицо до момента совершения в отношении него преступных посягательств обладало стабильной положительной деловой репутацией, подтверждаемой экономическими показателями эффективности его хозяйственной деятельности, отраженными в бизнес-планах, а также в корреспондирующей отчетной документации. Далее требуется установить причинную связь совершенного преступления и наступивших последствий в виде существенно ухудшения показателей экономической деятельности данной организации, ее положения на рынке и т.п. (резкого снижения объемов продаж, расторжения гражданско-правовых договоров по инициативе деловых партнеров, массового оттока квалифицированных сотрудников после определенного события и т.п.).

Источниками доказательственной информации в данном случае выступают, помимо соответствующих документов, изъятых путем

выемки (при необходимости — обыска), также показания: представителя потерпевшей организации, наделенного правами потерпевшего (согласно ч. 9 ст. 42 УПК РФ), допрашиваемого по правилам допроса потерпевшего; свидетелей: сотрудников данной организации, деловых партнеров, постоянных клиентов; подозреваемых (обвиняемых).

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что правоприменительная практика расследования преступлений, совершенных против прав и законных интересов организаций, свидетельствует о том, что защита деловой репутации юридических лиц в рамках уголовного судопроизводства пока еще во многом носит декларативный характер и зачастую реально не обеспечивается надлежащей системой доказательств. Эта ситуация характерна не только для российского уголовного судопроизводства, но и для ряда иностранных государств [5]. Однако установление характера и размера вреда, причиненного преступлением, является одним из элементов универсального предмета доказывания, регламентированного ст. 73 УПК РФ. В условиях формирования правового государства данный системный пробел нуждается в восполнении, что требует проведения дальнейших исследований и разработки как более четкой и непротиворечивой процессуальной формы участия юридических лиц в уголовном судопроизводстве, так и соответствующих методико-криминалистических рекомендаций, обеспечивающих доказывание характера и обстоятельств причинения вреда деловой репутации юридических лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коновалов С.И. Юридическое лицо как потерпевший и гражданский истец в уголовном судопроизводстве / С.И. Коновалов, А.Ю. Никулин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2012. — № 2-2. — С. 33–38.
2. Комаров И.М. Общие вопросы участия юридического лица в уголовном судопроизводстве / И.М. Комаров // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2017. — № 2. — С. 14–18.
3. Коновалов С.И. Юридическое лицо как субъект уголовно-процессуальных правоотношений: дискуссионные вопросы / С.И. Коновалов, А.Ю. Никулин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 1-2. — С. 61–66.
4. Степаненко Д.А. Конституционная основа развития российского уголовно-процессуального законодательства / Д.А. Степаненко // Глаголь правосудия. — 2019. — № 1 (19). — С. 44–49.
5. Boyd B.K. Ownership of Corporations: A Review, Synthesis, and Research Agenda / B.K. Boyd, A. Solarino // Journal of Management. — 2016. — № 42 (5). — P. 1–33.
6. Варданян А.В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А.В. Варданян, К.В. Гончаров // Юрист-Правоведъ. — 2015. — № 2 (69). — С. 49–52.
7. Варданян А.В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях / А.В. Варданян, К.В. Гончаров // Общество и право. — 2017. — № 3 (61). — С. 130–134.
8. Варданян А.В. Фиктивные организации как специфические криминальные средства совершения преступлений в сфере экономики: правовые и криминалистические аспекты / А.В. Варданян // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2019. — № 3 (85). — С. 56–62.

9. Грибунов О.П. Коммерческая организация как элемент механизма преступлений в сфере экономики / О.П. Грибунов, А.Л. Пермьяков // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 4 (48). — С. 157–162.
10. Gottschalk P. White-Collar Crime Research / P. Gottschalk, L. Gunnesdal // *White-Collar Crime in the Shadow Economy*. — Cham : Palgrave Pivot, 2018. — P. 1–14.
11. Shelley L. *Dark Commerce: How a New Illicit Economy is Threatening Our Future* / L. Shelley. — Princeton : Princeton Univ. Press, 2018. — 357 p.
12. Александрина Н.М. Состояние и тенденции криминогенной виктимизации юридических лиц / Н.М. Александрина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 4 (48). — С. 251–254.
13. Кабанов П.А. Корпоративные жертвы российской преступности: криминологический анализ виктимологической статистики за 2009–2013 гг. / П.А. Кабанов // Юридические исследования. — 2015. — № 3. — С. 53–70.
14. Фаткуллин С.Т. Юридические лица как объект криминальной виктимологии / С.Т. Фаткуллин // Виктимология. — 2018. — № 2 (16). — С. 61–66.
15. Комаров И.М. Юридическое лицо как потерпевшее от преступления в российском уголовном процессе / И.М. Комаров // Судебная власть и уголовный процесс. — 2018. — № 2. — С. 146–151.
16. Levi M. Organized Fraud and Organizing Frauds: Unpacking Research on Networks and Organization / M. Levi. — DOI: 10.1177/1748895808096470 // *Criminology & Criminal Justice*. — 2008. — Vol. 8, iss. 4. — P. 389–419.
17. Варданян А.В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Российский следователь. — 2015. — № 22. — С. 7–13.
18. Головин А.Ю. Система криминалистики: вопросы теории / А.Ю. Головин // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск, 2019. — С. 32–37.
19. Олефиренко С.П. Доказывание морального вреда и вреда, причиненного деловой репутации юридического лица, в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.П. Олефиренко. — Челябинск, 2009. — 28 с.
20. Воронов С.С. Теория и практика судебно-экономической экспертизы в современных условиях: сравнительно-правовой аспект / С.С. Воронов, Г.Т. Алаева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. — № 1 (37). — С. 36–40.
21. Шапиро Л.Г. Судебно-экономические экспертизы в борьбе с преступностью в сфере экономики: процессуальные и криминалистические проблемы / Л.Г. Шапиро // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2016. — № 1 (108). — С. 158–163.
22. Асташов М.А. Особенности назначения судебно-экономической экспертизы при расследовании преступлений / М.А. Асташов // Территория науки. — 2013. — № 6. — С. 102–107.

REFERENCES

1. Konovalov S.I., Nikulin A.Y. Entity as Victims and Civil Plaintiff in Criminal Proceedings. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2012, no. 2-2, pp. 33–38. (In Russian).
2. Komarov I.M. Total Participation of Legal Entities in Criminal Proceedings. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti = Problems of Law-Enforcement Activity*, 2017, no. 2, pp. 14–18. (In Russian).
3. Konovalov S.I., Nikulin A.Yu. Legal Person as the Subject of Criminal Procedural Legal: Discussion Questions. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2016, no. 1-2, pp. 61–66. (In Russian).
4. Stepanenko D.A. Constitutional Basis for the Development of Russian Criminal Procedure Legislation. *Glagol' pravosudiya = The Verb of Justice*, 2019, no. 1 (19), pp. 44–49. (In Russian).
5. Boyd B.K., Solarino A. Ownership of Corporations: A Review, Synthesis, and Research Agenda. *Journal of Management*, 2016, no. 42 (5), pp. 1–33.
6. Vardanyan A.V., Goncharov K.V. The Abuse by Managerial Authority in the Commercial or Other Organization: the Experience of Law Enforcement Practice and Some Problems of criminal Proceedings Initiation and Preliminary Investigation. *Yurist'-Pravoved' = Lawyer-Legal Scholar*, 2015, no. 2 (69), pp. 49–52. (In Russian).
7. Vardanyan A.V., Goncharov K.V. General Provisions on Interrogation of Witnesses and Victims in Cases of Abuses of Power by Persons Performing Managerial Functions in Commercial or Other Organizations. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2017, no. 3 (61), pp. 130–134. (In Russian).
8. Vardanyan A.V. Fictitious Organizations as a Specific Criminal Measure for Committing Crimes in the Economic Sphere: Legal and Forensic Aspects. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia*, 2019, no. 3 (85), pp. 56–62. (In Russian).
9. Gribunov O.P., Permyakov A.L. Commercial Organization as an Element of the Crimes' Mechanism in a Sphere of Economy. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 4 (48), pp. 157–162. (In Russian).
10. Gottschalk P., Gunnesdal L. White-Collar Crime Research. *White-Collar Crime in the Shadow Economy*, Cham, Palgrave Pivot, 2018, pp. 1–14.
11. Shelley L. *Dark Commerce: How a New Illicit Economy is Threatening our Future*. Princeton University Press, 2018. 357 p.
12. Alexandrina N.M. The Status and Trends of Criminal Victimization Legal Entities. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2019, no. 4 (48), pp. 251–254. (In Russian).
13. Kabanov P.A. Corporate victims of Russian criminality: criminological analysis of victimological statistics for 2009–2013. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, 2015, no. 3, pp. 53–70. (In Russian).

14. Fatkulin S.T. Legal Entities as an Object of Criminal Victimology. *Victimology*, 2018, no. 2 (16), pp. 61–66. (In Russian).
15. Komarov I.M. Legal Entity as a Victim of Crime in the Russian Criminal Process. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2018, no. 2, pp. 146–151. (In Russian).
16. Levi M. Organized Fraud and Organizing Frauds: Unpacking Research on Networks and Organization. *Criminology & Criminal Justice*, 2008, vol. 8, iss. 4, pp. 389–419. DOI: 10.1177/1748895808096470.
17. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Revisiting Principles of Formation of Individual Criminalistics Methods. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2015, no. 22, pp. 7–13. (In Russian).
18. Golovin A.Yu. A system of criminalistics: issues of theory. *Aktual'nye problemy kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual Problems of Criminalistics and Forensic Expertise. Materials of International Research Conference]. Irkutsk, 2019, pp. 32–37. (In Russian).
19. Olefrenko S.P. *Dokazyvanie moral'nogo vreda i vreda, prichinennogo delovoi reputatsii yuridicheskogo litsa, v ugovolnom sudoproizvodstve. Avtoref. Kand. Diss.* [Proving moral and business reputation damage inflicted on a juridical person in criminal proceedings. Cand. Diss. Thesis]. Chelyabinsk, 2009. 28 p.
20. Voronov S.S., Alaeva G.T. Theory and Practice of Forensic Economic Expertise in Modern Conditions: Comparative Legal Aspect. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2017, no. 1 (37), pp. 36–40. (In Russian).
21. Shapiro L.G. Forensic Economic Expertise in Combating Criminality in the Economic Sphere: Procedure and Criminalistics Problems. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2016, no. 1 (108), pp. 158–163. (In Russian).
22. Astashov M.A. Specific features of ordering a forensic economic analysis in crime investigations. *Territoriya nauki = Territory of Science*, 2013, no. 6, pp. 102–107. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Айвазова Ольга Владиславовна — профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru.

Варданян Галина Акоповна — старший преподаватель кафедры процессуального права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: avardanyan@yandex.ru.

Смирнова Ирина Георгиевна — заместитель директора по научной работе Института государства и права, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: SmirnovaIG@bgu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Айвазова О.В. Об уголовно-процессуальных и криминологических мерах противодействия преступлениям, совершаемым в отношении юридических лиц / О.В. Айвазова, Г.А. Варданян, И.Г. Смирнова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).98-105 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 98–105.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aivazova, Olga V. — Professor, Chair of Criminalistics and Investigative Operations, Rostov Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru.

Vardanyan, Galina A. — Senior Lecturer, Chair of Procedural Law, South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D. in Law, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: avardanyan@yandex.ru.

Smirnova, Irina G. — Deputy Director for Research, Institute of State and Law, Head, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Baikal State University, Doctor of Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: SmirnovaIG@bgu.ru.

FOR CITATION

Aivazova O.V., Vardanyan G.A., Smirnova I.G. On criminal procedure and criminalistic measures of counteracting crimes against legal entities. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 98–105. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).98-105. (In Russian).